Игорь Корниенко

Алаведерчи

Петрушкина азбука

Герои

Смерти нет. Она для слабаков. Нацарапал гвоздем на трухлявой доске в туалете. Туалет был на улице. Доживал свои последние вонючие деньки.

Каждые лет так десять копали яму для нового домика биологических нужд. Это было целое событие для семьи. Похлеще всех дней рождений, вместе взятых, и всеми любимого Нового года. На моем веку это было первое такое событие. Если точнее, второе, но то рытье, что случилось, когда мне было три годика, я не помню. Хотя отец по пьяни любит рассказывать, как я навалил кучу в свежую, по колено, ямку, я, честно, не верю ему. Любит он сочинять, привирать да преувеличивать. Из мухи слона — это про него. Мама считает, я в отца, такой фантазер, и почему-то это сравнение меня жуть как огорчает. Наверное, все пацаны в двенадцать лет не хотят быть похожими на своих отцов — с их слабостями, промашками, вредными привычками. Косяками. И так далее.

Кто там придумал, что у мальчиков отец — это герой?!

Возьмем моих друзей. У Языка нет отца, и герой у него мама. Мамы — всегда герои в отличие от пап. Отец Тимура Пельменя неходячий. Ходит только под себя. У Мухи папа — на воскресенья и праздники. Дядя Коля, отец Лёши Чемпеля, конченый алкаш, так говорят все в поселке, все, кроме Лёхи, у него на тему отцовского злоупотребления наложено табу. А мой родитель — герой на словах. Говорить, как вы поняли, он любит, особенно когда накатит.

Раньше, помню, мы тихо завидовали Серёге Мухе, у него каждую неделю какое-то разнообразие, и в родителях, и из поселка выезжает, отец в городе живет с другой семьей, и подарки всякие. Сейчас Муха ненавидит воскресенья, и отца с матерью ненавидит за то, что развелись. Курит, не боясь быть застуканным, никуда не выезжает, не разговаривает с предками, было дело, раз, пил пиво вместе с городскими знакомыми.

— Это моя жизнь, что хочу, делаю, — ответил тетке-соседке, она в ответ только рот раскрыла шире.

Игорь Корниенко — прозаик, драматург, художник. Родился в 1978 году в Баку. Лауреат премии В.П.Астафьева (2006), премии «Золотое перо Руси» (2005), специального приза жюри международного драматургического конкурса «Премьера 2010», лауреат литературного конкурса им.Игнатия Рождественского (2016). Живет в Ангарске Иркутской области. Предыдущая публикация в «ДН» — Рассказы (2018, № 6).

Мог бы, конечно, послать куда подальше, Муха грубил и выбирал позапрещеннее слова, чтобы быть услышанным кем-то из родителей. Он и шоколадку стащил из магазина только ради того, чтобы мать с отцом встретились в полицейском участке. Закон подлости срабатывал, в отличие от планов Мухи. За ним не приехал ни один из родителей, тетка-соседка, та самая, оказалась родственницей поселкового участкового, она и забрала Муху, а на свободе, не сходя с крыльца отделения полиции, он закричал ей в лицо:

— Я вас ненавижу!

Ненависти этой его научили родаки. И почему-то, когда по телевизору говорят, что где-то в Штатах школьник расстрелял весь класс или забил до смерти своих родителей молотком, я вижу лицо Серёжи Мухина — рыжеволосого, в ржавчинках-конопушках, совсем не улыбчивого, злого.

И мне ужасно хочется сказать его матери и отцу, что я о них думаю. А думаю вот что, если убрать все, что уже не раз им наговорил Муха, и с чем я согласен на девяносто девять процентов, я бы сказал: ради сотворенной вами двоими жизни стоит пожертвовать своими удовольствиями, принципами и что там еще вы придумали, чтобы забыть о существовании Мухи, Мушки.

Из безобидной мушки может вырасти разъяренный слон, тот, что громит и топчет все на своем пути в далекой Индии.

Мухи по осени кусаются, кусают больно, до крови.

Я позвал Серёгу помочь рыть, и он мне сказал так, походя, между делом:

— Пойду могильщиком на кладбище работать. Руку сейчас набью и пойду. Нах эту школу и предков нах... Буду могилы рыть всем ненавистным людишкам. Первому отцу вырою. Я ему без лома и лопаты ее вырою, руками и зубами, копать и грызть...

С нами был тогда еще Яша Язык. Яшка не рыл, а развлекал бесконечной болтовней ни о чем, это он может делать лучше, чем работать руками, ну еще может достать языком кончик носа и сворачивать язык трубочкой.

— Спорим, не пойдешь?! — выдал он вдруг серьезно. — Не пойдешь ты в могильщики, в бандиты, скорей.

Я сказал:

— Мы уже банда, какие тебе еще нужны бандиты?!

Муха вытер пот со лба, сощурился, солнце в конце сентября жгло и слепило беспощадно, сплюнул:

— На че спорим?

Серая от проглоченной пыли слюна мрачной улиткой жадно впиталась в сухую землю, Муха проследил за ней, наступил на мокрое пятно — все что осталось от улитки:

— Проигравший нырнет на дно Петрушкиного сортира. Спорим?!

Живой!

Петрушкой меня звала бабушка, как я ни противился, сколько ни обижался. Она и настояла на имени Пётр, тогда как мама с отцом уже решили, что меня будут звать Мишей.

В пятом классе писали сочинение — описание куклы-игрушки, я и написал, как вы думаете про кого?.. И ведь сроду не было такой игрушки — Петрушки. Ванька-встанька был, пара разнокалиберных Матрёшек...

Бабуля сшила за ночь. Тряпичный Петрушка в красной рубахе и колпаке с желтой кисточкой перчаткой надевался на руку. Указательный палец отвечал за картонную голову куклы: с длинным грузинским носом, глазами пуговицами синего и зеленого цвета и огромным ртом до ушей-лоскутков.

Большой и мизинец просовывал в рукава рубахи Петрушки, и он оживал, вертелся, кривлялся и говорил моим голосом, хотя я и старался говорить пискляво, неестественно.

«Петрушка» закрепилось за мной на всю жизнь — смирился, и стоило мне с этой мыслью сдружиться, как тут же захотелось закричать, объявить всему миру, что вот он я — Петрушка! Самый настоящий и единственный! Не кукольный! Живой!

Шишка от Достоевского

С тобою спорить — равносильно с акулой целоваться: это про меня.

Когда ты прав, почему и не поспорить.

А спорить мы любили. Было время, в том же пятом классе, спорили по любому поводу и на все, что вздумается.

Доходило до смешного, абсурдного, дикого.

Не вспомнить точно, как, кто и с чего начал спор, но точно дело было в учебнике по литературе, ну и кто-то из класса или даже банды бросил клич:

— Толстой Пушкина порвет!

Вызов подхватили:

— У Пушкина пистолет, он бы Толстого застрелил.

— Лермонтов тоже стрелялся на дуэли, он бы Пушкина уложил...

Спорили на математике и на английском... До конца уроков спорили. Надрывая голосовые связки, яростно жестикулируя, плюясь, матерясь, кидаясь друг на дружку с кулаками... Спор перебрался за пределы школы, прокатился кубарем по парку, проскакал через скамейки, клумбы, посидел в беседке и, наконец, обосновался в библиотеке нашего поселкового дворца культуры, между стеллажами с русской классикой. Командовал экспериментом Лёха Чемпель. Откуда эта кличка? Подозреваю, после школьной олимпиады по физкультуре, в которой он взял высший балл в двух практических испытаниях и одном теоретико-методическом задании. Всю неделю после соревнований Лёху звали только так: Чемпион. А время трансформировало в Чемпель.

Книги авторов-дуэлянтов спорщики проверяли на себе. Первым «стрелялись» Чехов Антон Палыч и баснописец Крылов. Чемпель сделал серьезное, как подобает строгому, непредвзятому судье, лицо, по очереди сбросил на головы участников спора с высоты вытянутой вверх руки пыльные труды мировых классиков.

Силу удара оценивали по пятибалльной шкале. Кто больней, тот и победил.

Дальше очередь Некрасова и Фета, «Черная курица» Погорельского против «Муму» Тургенева, шли мы пройденной программой учебника по литературе за пятый класс. Гоголь шарахнул щелчком меня прямо по темечку, Языку досталось сказками Пушкина.

Я поставил Гоголю твердую «пятерку». Потрепанные мертвая царевна и семь богатырей по сравнению с кирпичным томом Николая Васильевича были шутливым, дружеским шлепком и вытянули «троечку».

Доспорились до шишки, ее мне поставил Достоевский, потому как закончились писатели из учебника, азарт же только разгорелся и в ход пошли классики наугад. Те, что попадались на глаза.

«Братья Карамазовы» заслуженно получили пять с плюсом, и я вышел из игры. «Улисс» Джойса вырубил нокаутом Кафку и Пельменя, у него разболелась голова, он сдался. Яшка прикусил язык до крови, получив мощный удар от внушительной книги с яркой, загадочной обложкой «Тысяча и одна ночь».

— Плавда, на всю тыщу тянет, — еле ворочал раненым органом он, — поунуха кака-то. Ни жизь не пикаснусь к ней.

Кровь положила конец спорам, которые могли продолжаться бесконечно.

— До смерти бы спорили, — подвел итог Чемпель. — Ничья.

Так Федор Достоевский набил мне шишку со своей бандой Карамазовых.

Спорщики мы те еще, поэтому, когда Муха протянул Языку испачканную в грязи ладонь, Язык принял вызов:

— Спорим, — сказал и подмигнул мне: — Давай, Петруша, разбивай. Ты за свидетеля-секунданта.

— Проигравший нырнет с головой в тот туалет, — показал на деревянный домик с обитой железным листом крышей Муха.

— Заметано, — кивнул и тряхнул руку друга, а теперь и соперника: — Ты уходишь в могильщики, я окунаюсь в говнояму. Ты продолжаешь учиться, в яму солдатиком прыгаешь ты.

Обоюдный кивок как сигнал, я разбил ладони.

На следующий день место Мухи за партой заняла Лиза Борода, и на всех уроках Мухину Сергею проставили «н» в школьном журнале.

Курорт и некоторые его обитатели

Кладбище возвышалось над поселком. Мертвые сторожили живых. У нас его называли курортом, не все, но многие. Бабушка говорила: им, — имея в виду мертвых, — там, как на курорте, тишина, лежат себе, покоем наслаждаются, вдали от проблем житейских и будней быта.

Для нас, мальчишек, походы на могилы родных тоже сродни поездке на курорт. Я обожал ходить с бабушкой по выходным на могилу к деду и остальным. Мы уходили на целый день, и не было ничего прекрасней вареного яйца, очищенного грубыми от непрекращающийся работы, мозолистыми руками бабушки, съеденного за столом в тени кладбищенских, ой, курортных, кипарисов. Вкусней яйца я не пробовал. Здесь все менялось: вкус, запах, цвет, ощущения... Наверное, отправься в другую, далекую страну, скажем, в Бирму или Гренландию, чувствуешь то же самое.

Уже у подножия курортной горы понимаешь, что тропинка вверх уводит тебя от реальности в другое место. Из зеленой травы стреляют кузнечики и красные маки вспышками-кляксами. Маки здесь кровавей, а кипарисы печальней. Во время цветения ветер стряхивает серо-желтую пыльцу с хвои, и вот тогда ты попадаешь в призрачный мир жителей курорта. Оживают тени, сильней слышны шорохи невидимого присутствия...

На курорте всегда много работы, в номере деда, ушедшего отдыхать еще до моего рождения, работ невпроворот всегда, говорит бабуля: покрасить оградку, столик с двумя скамейками, повыдергивать колючки с сорняками, побелить...

Бегал, петляя узкими дорожками между могилами-номерами, в начало курорта к бочке с водой, громко стуча алюминиевыми ведрами. Не потому, что боялся тех, кто теперь уже ничего не боится, тех, кто таится, кто невидим... Так я ощущал себя живым, гремел ведрами, отмечая свое присутствие. Живое присутствие. Пугал сонных птиц, бродячих собак и кошек.

Черная, ни пятнышка кроме черноты, кошка — частый гость в номере деда. Как и странный туман-облако, что не раз приходилось наблюдать. Она появлялась из воздуха, обходила обязательный круг вокруг сонного ложа дедушки, забиралась на ограду. Следила глазами молчаливых обитателей за тем, как мы суетимся.

Отец утверждает, это хозяйка кладбища. Он не говорит «курорт», он нарочито подчеркивает смерть. У него: могилы, покойники, трупные дела, мертвая вода... Бабушка крестит его. Ничто не уходит бесследно, — говорит, — и камни своей жизнью живут, и почившие...

Черная надзирательша исчезала, как и странный туман, незаметно, была и нет. А к гостинцам дедушки прибавлялось блюдце с молоком.

Первого гостя увидел под вечер, вернувшись проверить калитку (бабушка строго наказывала оставлять оградку открытой). Серебристая змея свернулась кольцами вокруг блюдца, пила. Замер не от испуга, остановила с открытым ртом неожиданная раскраска змеи. В лучах закатного солнца, пробившихся сквозь мохнатые ветки курортных кипарисов и елей (лучи можно пересчитать, если задаться целью), шкура переливалась, искрилась, гипнотизировала. Да, да, именно так, кольца пришелицы, как нефтяное пятно, извивались радужными пятнами — вихрями, заманивая в свой круговорот, обездвиживая, путая мысли...

Кошка спрыгнула, словно с неба, разбила змеиные чары. Невидимыми мягкими кошачьими лапами она толкнула меня в грудь, убегая, успел краем глаза увидеть, как змея раскрученной пружиной отлетела за ограду, в неизвестность. А догнав бабушку возле бочки с водой у ворот, решил, что все это привиделось, разноцветные кольца хула-хупа скакали перед глазами, я никому о странной встрече-поединке не рассказал.

Много лет спустя я встречу эту змейку, застывшую браслетом, но узнаваемую, на тонком белом запястье одноклассницы, и в этот раз не будет кошки-спасительницы рядом. Змеиные чары увлекут, лишат рассудка, лишат воли, силы... сделают сентиментальным дураком. Это будет самая настоящая любовь на букву «з».

Буду я беззащитным, обезоруженным, зависимым... Зачарованным...

Будущее возможно увидеть, главное — знать, куда и как смотреть. Разглядеть в гипнотических кольцах змеи, в трещинах на асфальте, в облаках... в счастливом вечном времени детства...

Пятая звезда

Детство — это, бесспорно, буква «В». Вечность. Время здесь не властно. День может длиться сто лет, тысячелетие, а может пронестись падающей звездой в мгновенье...

Мы обожали смотреть на звезды. Считали падающие, лежа с Мухой на крыше дома. Моя была правая половина неба, у Серёги — левая.

Он часто оставался у нас на ночь после случая с шоколадкой и побега.

Муха не раз сбегал от матери и всегда возвращался. В этот раз его вернули через трое суток полицейские. Избитого, грязного, изменившегося... Муха не сказал ни что произошло, ни где пропадал эти дни. Не разговорили его ни слезы матери, ни крики отца. Муха молчал.

«Пропадал» — самое верное слово: не скитался, не бродяжничал...

Муха пропал из этой доставшей его, половинчатой, неполноценной жизни. Выпал бы и исчез, быть может, на веки вечные, если бы...

Я повторил:

— Если бы?..

— Если бы не мальчик на рельсах.

На этот час у меня были две упавшие звезды в копилке, у друга четыре. Небо опухло от звезд, готовое в любой момент прорваться и обрушиться на нас звездопадом.

— Он бегал наперегонки с поездами. Придурок ждал поезда и пытался его перегнать. Снова, и снова, и снова. Я до ночи смотрел на него, как он не сдается, не обращая внимания на солнце, на ветер, на дождь... На меня. Упорно к цели, пускай и такой несерьезной, сумасшедшей...

Сказал:

— Так он, наверно, и был того, с приветом.

Муха засмеялся:

— Так, а кто без привета? Мы-то чем лучше: звезды ловим на крыше в полночь. А он в догонялки с поездами играет, и знаешь, — Муха повернулся ко мне, лицом к лицу, и серьезно так, — я поверил в него. Я уверен, он добьется своего, обгонит поезд, рано или поздно, но сделает это. Веришь?..

Упала с Серёгиной половины неба пятая звезда, я кивнул:

— Верю!

Детство — это когда безумие не страшно, сумасшествие в награду, весело и загадочно. Собирать упавшие звезды — собирать души мертвых. Бегать наперегонки с поездами, ветром, биться на дуэли вместо Пушкина и Лермонтова и получать затрещины от Чехова, спорить о невозможном и верить, что землю вертишь именно ты, скользя босиком по утренней мокрой траве, и зажигаешь солнце одним щелчком пальцев, на раз.

Раз.

Задание

По школе пронесся слух, в парке объявился человек с гусиной лапой.

Опоздавший школьник, из первоклашек, видел, как он прыгал по елям.

— Будете на уроки вовремя приходить. — наша классная руководительница временами была действительно классной, — Мухин, случаем, не с ним за одно в ловитки играет, школу прогуливает?..

Я знал, что Серёга договорился о встрече с директором кладбища, а еще, что он не может не выиграть спор.

— Алтаев, тебе поручение, даже задание, двойное. До завтра узнать все о человеке с куриной лапой, — класс взорвался хохотом. — Что такое? Что я не так сказала? — класс поправил. — Гусиной, куриной, да хоть павлиньей лапой, — стараясь сохранить строгий тон, продолжала Светлана Александровна. — Итак, Пётр, твоя задача выяснить, что это за пугало и не замешан ли в этом безобразии твой друг Мухин.

6-й «а» класс снова превратился в палату номер 6.

— И ты смотри, Петя, не поддайся их влиянию, а то знаю я вас, чуть что, так давай с радости по деревьям скакать...

Тут она была права, наше последнее изобретение в сфере игр и развлечений — ловитки на дереве, хит летне-осеннего сезона.

Ловитки

Треугольник — место в нашем дворе, где происходили основные события жизни. Местами асфальтированная дорожка, в метра полтора длиной, четко очерчивала границы детства. По тропинке после сумерек прогуливались парочки, готовящиеся нарушить границу, бежать, перейти на сторону врага. А что есть взросление, если не противник детства?..

Неизбежно враг подступал, отвоевывая территории и лучших бойцов...

Лёха Чемпель станет первой жертвой из нашей банды. Будет долго метаться между двух сторон границы, наконец сдастся. Как-то вечером вместо ловиток отправится гулять по треугольнику под ручку с Олей Рожковой.

— Тяжелый я для ловиток на дереве, — скажет в оправдание. — Сколько можно падать? — напомнит о своей руке в гипсе трехмесячной давности и недавнем удачном падении на гору из ранцев. Впрочем, для ловиток с мячом он тоже оказался вдруг негодным:

— Крупный шибко, в меня легче попасть, да и бегать с мячом, что Рожок скажет?.. — Это он так Ольгу называл ласково, ага.

Слово «предатель» повисло на ветках деревьев, как будто специально высаженных для игры в ловитки в ряд по периметру треугольника.

«Перебежчик» — протрещали ласточки. «Взрослый» — шуршал ветер в кронах и высокой траве.

Взрослый — это не страшно, ну что такое, все становятся рано или поздно... Но так не хочется так скоро расстаться с Вечностью...

Двенадцать лет, тринадцать, ну еще годик, а задержаться в мире, где ты бессмертен и счастлив. Где ты бог.

— У меня другие ловитки, — грустно отшучивался Чемпель, кличку эту он унесет с собой за границу треугольника и дальше до самого курорта. Воспоминания — в точности, как гипс со сломанной руки, исписанный пожеланиями скорейшего выздоровлениями, в рожицах и черепах, — снимутся, переберутся сначала под кровать, потом в чулан. Выбросятся со временем. Забудутся. Сотрутся из памяти, сотрутся в пыль.

Другие ловитки — гонка за деньгами, удовольствием, работой, уважением, любовью, счастьем...

Мы отправились на деревья играть, где одно из условий, самое главное — ни в коем случае не касаться земли. Прикоснулся — пропал. Выбыл. Чемпель коснулся, Чемпион проиграл в соревновании с названием жизнь. Вечность больше не для него. Он стал простым смертным. Как многие, как все, за границей 14+.

Кто последний!

Треугольник — недостроенная детская площадка с непонятными железными конструкциями с одной стороны, с другой — пустырем, колючками и камнями. Интересного мало, интерес туда вносили мы, придумывая, что невозможно придумать.

Особенно на пустыре у костра, рассказывая убийственные истории.

Повторяя заученные всем известные байки про черную руку и гроб на колесиках, разбавляя новыми услышанными и всегда правдивыми, даже если и придуманными пару минут назад, пока собирал дрова или бегал за картошкой, чтобы запечь ее на углях.

История о человеке с гусиной лапой вспоминалась периодически, но сейчас она обросла новыми подробностями, деталями.

— Он вернулся. Он ищет свою оторванную ногу... Ищет того, кто это с ним сделал, чтобы отомстить, наказать. Это случилось с ним в парке, поэтому у него там пристанище, логово...

Если второй пункт задания Сансаны был мне ясен, как то, что Муха, несмотря на кличку, не может летать и что он не в школе, потому как с утра и до темна караулит директора кладбища. С первым заданием все сложней, за вечер с ним не справиться.

— И одному трудно выследить Лапу, — сидели у меня почти всей бандой, Муха задерживался.

— Прогуливаться тупо по парку?

— Первоклашка видел его прямо на центральной дороге...

— Устроить засаду?

Вопросы остались вопросами.

— Да это калека, ясно же, а что по елкам прыгает, — художественное преувеличение, для красного словца, — вынес вердикт Чемпель, — я пас. У меня свиданки по вечерам. Петруш, не в обиду, придумай что-нибудь класснухе, она ведь тоже не серьезно это.

Тимур разглядел что-то наиинтереснейшее у себя под ногами, промямлил:

— Мне за отцом так-то надо бы... Но один ты точняк не потянешь...

Язык надул и лопнул пузырь, до одурения пахнущий клубникой жвачки:

— Поймаем засранца.

В парке в тот вечер была вся пятерка. Чемпель, расстроенный, что не пошел на свидание, и Муха, ежесекундно заворачивавший голову в сторону курорта в надежде, что директор материализуется на его фоне прямо перед Серегой. Закон подлости работал: ни намека на хромающего мужчину, да и женщину прихрамывающую никто из нас не засек.

— Может, не время? — предположил Яша.

— Может, повзрослеете? — огрызнулся Чемпель.

Муха докурил до фильтра сигарету:

— Блин, кто-нибудь да найдется, — стрельнул окурком в сумерки, сползающие с возвышающейся над поселком горной гряды.

Пельмень молчал, щеки его горели, он то и дело вздыхал и сплевывал.

Я сменил тему, спросил Муху, собирается ли он в школу и что завтра сказать классной?

— Новая яма готова, еще пару дней, дней пять, и...

Язык высунул язык, помахал им:

— Успевай, Мухин.

Мухин кивнул:

— Успею.

— Кто последний, тот засранец, — вскочил Язык. «Засранец» — новое слово-паразит в его лексиконе, — на счет «три». И, три!..

Мы побежали со скоростью света, обгоняя птиц, обгоняя ветер.

Догнала нас только ночь.

Сокровище и карта

Гигантские светляки уличных фонарей возвещали приход темного времени суток. В парке между школой и двором фонари жили своей жизнью, горели, когда вздумается. Могли начать мигать, переговариваться друг с другом и звездами, посылая в космос шифрованные сигналы. Могли гореть через один и разными цветами...

Муха остался у меня с ночевкой, и за туалетной темой — как это погрузиться в море дерьма — взялись рисовать карту сокровищ. Сокровищем, кладом, конечно, стал доживающий последние деньки домик с железной крышей.

— Карту надо хорошенько спрятать, — щерились, потому что смеяться больше не могли, болели щеки, и животы вот-вот взорвутся. — Умора будет, когда лет так через пятьдесят, сто, кто-то ее найдет и отправится искать сокровища.

— Бабушка, кстати, говорит, что это удобрение — самое настоящее сокровище.

Я умолчал о том, как сокровище черпается ковшом с длинной ручкой и входит в состав бабушкиного чудо-удобрения, на котором пышет зеленью и плодами весь сад.

— Так я и не отрицаю, что говно — то еще золото, — хрюкал, обняв живот, Муха. — Всем кладам клад.

— Надо туда взаправду что-то дорогое бросить, — пищал я, чтоб не лопнуть. — Искателям не так обидно будет, когда отроют клад...

Две старые закопанные ямы превратились на карте в заманки-обманки.

— Два лжеклада, — сказал, и это нас разорвало в клочья.

Давно не видел, чтобы Серёга так смеялся, и это доставляло необыкновенную радость. Наш смех долетел до курорта, его услышали небо и звезды... Наше сокровище, наше богатство — вот оно — звонкое заразительное, зажигающее...

Муха смеялся, как в последний раз, — червоточиной неприятная мысль, и от нее не избавиться. Уже в постели, переговариваясь шепотом, я спросил:

— Ты же не собираешься сдаваться?..

После минуты тишины услышал:

— Я обгоню этот поезд.

Карта сокровищ разрасталась подробностями. Утром, когда Муха отправился на долгожданную встречу с директором, я в школу, на карте добавилась железная дорога, что слева от поселка. Полоса с курортом в самом верху карты, правее и ниже парк разрезала дорожка, помеченная штрих-пунктиром, она шла мимо дворца культуры к школе и исчезала за обрывом альбомного листа...

Сентябрь — это летнее эхо, еще не спал загар и не доиграна куча игр, те же самые ловитки и ночные прятки, учишься вполсилы в надежде, что за сентябрем не будет проливных дождей с мокрым снегом, а снова наступит июнь.

Тяпка

Отчитался Светлане Александровне:

— Мухин появится с запиской от родителей в понедельник.

Мама его готова, не спрашивая, написать все, что угодно, только бы Серёга не выступал. У матери Мухи все, что он делает, — выступления. Будто не жизнь у них, а сплошной спектакль, концерт.

— С Лапой за выходные постараемся разобраться.

Она кивала, слегка улыбаясь, когда закончил, сказала:

— Теперь давай между нами, Петя, у Серёжи опять проблемы?..

Я сделал лицо тяпкой «ну, началось»:

— Никаких, говорю же, приболел, мама его напишет за три дня отсутствия записку...

— Мне сказали, он на кладбище все эти дни пропадает.

Лицо тяпестей некуда:

— Чушь, что ему там делать на курорте?

— Это я у тебя хотела спросить, по-дружески. На курорте... И вы уже мальчики большие, Алтаев, взрослые, понимать должны, что кладбище — не курорт. Там опасно.

— Мертвецы что ль опасны? — тупеет тяпка.

Мы в кабинете географии на втором этаже в самом углу, у окна, из него, если постараться, можно увидеть одну из немногих дорог на курортную гору.

— Не мертвецов, Алтаев. Живых надо бояться! Опасны живые, мертвые ничего уже не сделают. И что это за игры на кладбище, не понимаю?! Мест больше не нашли или опять спор какой-то затеяли?!

Тут тяпка чуть было не слетела с лица.

— Болеет он, что вы в натуре, Сансанна.

— В натуре, Петя, вы умные мальчики, не секрет, что мир — не курорт, кладбище тем более, есть вещи пострашней мертвецов. Поэтому держитесь вместе, если что-то пойдет не так и вы это заметите, увидите что-то, услышите... смело говорите мне, не мне, так тому, кому больше доверяете. Вот это в натуре будет правильно, по-взрослому.

Лицо тяпкой сменила улыбка до ушей, мне по чесноку понравилась забота в голосе учительницы, неподдельная, теплая:

— Хорошо. Обещаю, — сказал и не удивился протянутой руке Сансанны.

— Вот и замечательно, — она крепко сжала мою ладонь. — А сделай еще такое лицо, — улыбнулась. — Как вы его называете, прием этот? Тяпкой?..

Я закатил глаза и втянул щеки. Тяпка собственной персоной.

Чёрный час

Конечно, школа не менее опасна, чем курорт, просто не все учителя знают историю про госпиталь. Может, Сансанна в их числе.

Во время войны в школе размещался военный госпиталь, раненые умирали, тела хоронили в рощице за школой, а неупокоенные души остались в стенах заведения. И дают о себе знать время от времени.

В кабинете литературы, например, раз были перевернуты все портреты классиков лицом к стене. А это, как минимум, три метра высоты.

Или, было дело, ночной сторож дядя Саша рассказывал, как услышал, чего вовек не забудет. Он каждую ночь что-нибудь да слышал.

— Но в этот раз, — крестился пенсионер, — я и с чекушки пригубить не успел, а со стороны черного входа, там лестница в подвал, стон долгий, протяжный. У-у-у... Два круга секундная стрелка на часах в холле сделала, пока стон не оборвался, и тут же крик, явно мужчина, а в крике слова разобрать и прислушиваться не надо. Где моя голова?! Пришейте голову назад! Отдайте мою голову! Где голова?! И все в таком духе. Я уже сбился со счету, сколько кругов стрелка секундная намотала, от крика оглох, сплошным эхом стенанья обратились. Крестился, молился, успокоительное все с чекушки выпил, видно, под ним и уснул. А проснулся ни свет ни заря, и в подвал, страшно до жути, но обязанность вынуждает. Спустился, а там все стены и потолок в крови, это я сначала подумал, чуть сердце в руки не выскочило. Краска то была, эмульсионка, половина банок раскурочена, будто взорвались сами по себе. После этого попа и пригласили освятить школу, только по секрету, время было такое...

Была еще история о пропавшем мальчике-хулигане, курившем на чердаке. Будто забрался как-то в неподходящее время, в черный час, и сгинул, исчез бесследно.

Вывод — курение опасно. Можешь пропасть без вести.

Я еще не отошел от разговора с классной, как по школе пронесся слух: в парке по дороге в школу пропал мальчик.

Подобные слухи не новы, и я не очень-то и внимание обратил, пошутил:

— Может, докурился пацан?..

Напряжение — это не ток в проводах, оно в голосах учителей, старающихся скрыть тревогу. Волнение не в море — в учительской, за запертой дверью.

На большой перемене шушукались: мальчика нашли в старой части парка в туалете, в тяжелом состоянии увезли в больницу. Мальчик будто сам выполз на дорогу с перебитыми ногами и переломанными ребрами.

— Лапа начал охоту, — говорили.

Старшеклассники своими предположениями не делились, но сестра Чемпеля, ни в жизнь с нами не разговаривавшая, вдруг подошла, мы сидели под лестницей у спортзала, сказала, чтобы не вздумали шляться в парке, лучше обходите парк дорогой, и где ваш рыжий? По одному не ходите, не бродите. Одиночка — потенциальная жертва маньяка.

Вот оно — маньяк. Молча переглянулись, типа вот и ответ.

— Я Муху предупрежу,— сказал я. — Рыжего, — добавил.

Сестра Чемпеля кивнула, отошла.

Как всегда не вовремя, прозвенел звонок. И обсудить тему маньяка мы не успели, а в конце дня все говорили про чудовище и комендантский час.

Черный час — это даже не час, некий промежуток времени, не подчиненный этому самому земному времени, когда происходит что-то из ряда вон. Разрез между миром живых и миром потусторонних в черный час приоткрывается, как сковырнуть зажившую рану, и вытекает нечто, что не поддается разумному объяснению...

Комендантский час был всегда, негласно, сегодня же его озвучило радио и

телевидение. С наступлением темноты несовершеннолетним запрещено появляться на улице без сопровождения взрослого. Черный час стал реальностью. Проявился, выпустил чудовище...

После ужина смотрели телевизор, из-за поднявшегося ветра антенну штормило, и отец злился, потому что закон подлости срабатывал, изображение пропадало в самый интересный момент. Смотрели фильм про войну. Смотрел, впрочем, один папа, мама убирала со стола, я на ковре делал вид, что читаю энциклопедию, на самом деле ждал звонка от Мухи.

Кино прервал спецвыпуск местных новостей. Я стал одним большим ухом.

Сообщение диктора о введении часа бодро комментировал папа и корректировали помехи.

...Пострадавший третьеклассник в состоянии... реанимации... Не первый случай в городе... С 21 часа... Чудовище... окрестили средства массовой...

— Наш поселок — лакомое место для таких вот извращенцев, — горланил, чтобы и мама слышала, отец, запивая все это пивом. — Я сколько лет говорю, дети с пеленок шляются без присмотра. Раздолье маньячное. Сам бы стал таким от такого соблазна. Слышь, Петь?.. Как тебе — батя-маньяк, а? — стукнул меня ногой по плечу: — Ты, поди, сразу сдал бы меня, Павлик Морозов наш, — развалился на диване, снова попытался достать меня ногой, я отодвинулся.

— Какой из тебя маньяк, — усмехнулся.

— Так ты бы и не знал, думаешь, у этих психов нет семей? Да все они семейные, вот и крыша съезжает от бытовухи.

Мама вернулась недовольная, видно по лицу и голосу:

— Что, совсем оба уже?.. Тему для разговора больше не нашли... У людей горе. Не дай Бог никому.

Телефонный звонок, и в один миг меня нет в зале. Я уже держу трубку телефона и сквозь страшный треск и помехи слышу голос друга.

Муха сказал:

— Завтра.

Связь оборвалась.

Третий глаз

Есть сны, их не запоминаешь. Проснулся и, как ни мучайся, не вспомнить, что снилось. Белый экран. Есть сны, которые помнишь долго, очень долго. Всю жизнь.

Мне достался кошмар, и, может, видел я его всего раз много лет назад, но кажется, он снится каждую ночь. Беспрерывно.

Я тону. Я нырнул с надеждой проплыть под чертовой кирпичной плитой и потерялся. Не понять, где верх? Где дно? Куда плыть? Вокруг серо-зеленая мгла. Паникуя, я размахиваю руками, пузыри щекочут, обжигают. Глотаю горькую воду, сквозь толщу пытаясь разглядеть бледное подобие солнца. Нет солнца. Пытаюсь опуститься глубже, нащупать дно. Дна нет. Бездна, и я где-то посредине. Бесконечность.

Мечусь. Кричу. Захлебываюсь. Слезы проливаются в море. Последняя попытка признать действительность — умереть или проснуться. Кусаю ладонь. Вода окрашивается красным. Кусаю еще и снова. Кусаю и проглатываю. Я жру себя. Большими кусками отрываю свою плоть... Сначала проглотил левую руку, потом очередь второй, и ноги... Зубы впиваются и вырывают из меня меня же всюду, где достают. Я хочу выгрызть сердце и умереть, только бы не эта круговерть в мутной, отдающей солью и полынью субстанции.

И будто в диафильме кто-то прокрутил картинку, и вот я снова кусаю себя за ладонь в надежде проснуться, и вновь начинаю есть себя. И снова. И снова. На пленке

диафильма лишь одно это — бесконечно повторяющееся. Круговорот поедания самого себя в природе.

Потом кто-то из банды принес альбом стереокартинок «Третий глаз», и мы все дружно пучили глаза на яркие глянцевые рисунки.

У Пельменя никак не получалось, он психовал, почти хрюкал. Муха курил и смеялся. Я научился попадать в трехмерное пространство зашифрованной картинки и в одной из них увидел себя. Да-да, картинка задрожала, и раздвинулись зеленые стены, в центре фигурка человека, он явно застрял там и болтается в морской бездне вечность, если не больше. Страхом не назвать то, что обволокло меня тогда, — липкие ладони и холодный пот — это в книжках, меня обездвижила неизвестность, парализовала, ни мысли, ни дыхания... Клянусь, я чувствовал едкий запах растертой полыни и покалывания всей кожи... Глаза впились в фигурку, что не моргнув, загипнотизированный, как той радугой-змеей, я поднял ладонь и укусил. До крови. И укусил бы еще, если бы Пельмень не перевернул лист.

Все смотрели на меня с раскрытыми ртами, на кровоточащую руку, а я не чувствовал боли, лишь странные ледяные иголочки по всему телу, и пустота в голове, и в теле пустота...

— Я пустой, — прошептал.

А Муха уже перебинтовывает ладонь, говорит:

— Тогда кровища откуда, пустой ты наш?.. Кого это было? Глюк словил?..

— Говорю же, сатанинские эти картинки, могут и с ума свести, если глубоко заглянуть, — обрадовался подтверждению своей теории Язык. — Кто знает, что там на самом дне?.. Может, ад самый настоящий. Или вон, пустота, как у Петрушки.

— Там была пустота? — затянул больно бинтом узел Серёга. — Ты что увидел-то там?..

Мотнул плечами я:

— Потерю.

Больше стереокартинки я не смотрел. Пробовал, начинала болеть голова, стоило мне напрячь глаза, как говорил отец, «собрать в кучу». Где-то в центре черепной коробки происходил ядерный взрыв. Закрывал, чтоб не выскочили из орбит от ударной волны глаза, и видел повисшую в красной пустоте фигурку тонущего и никак не могущего утонуть человечка.

Может, сон выбирался из того мира в тот самый черный час вместе с чудовищем и стал явью? Моей реальностью?..

Утро

Самый лучший день недели в учебное время — это суббота. Без разговоров. Пятница с воскресеньем на втором месте.

Проснулся и долго сидел в постели, с ногами, пытаясь припомнить сон. Ветер за ночь нагнал тучи, моросил дождь, добивая последнюю листву и шлепая по натянутой над ямой клеенке. Бабушке в срочном порядке пришлось уехать к подруге в деревню без названия, и поэтому открытие нового туалета отложили на неделю. А значит, и у Мухи есть время для новых вариантов и возможностей выиграть в споре. Так ему и сказал, когда он появился в дверях сразу после завтрака.

— Неделей позже или раньше, я готов, — весело сказал Сергей. — Все равно я обгоню этот поезд.

Он отказался проходить, не захотел разуваться, сел тут же на пороге.

— Директрису могут под суд отдать, если она позволит мне взмахнуть хоть раз лопатой. Клевая тетка, пообещала, как паспорт получу, она меня сразу в работники

возьмет. Так что давай отыщем Лапу, грохнем чудовище, и я смело нырну в говняму с чувством выполненного долга. Победителем.

Я был готов зааплодировать ему.

— Че, вот так нырнешь и глазом не моргнешь?!

Муха моргнул.

Место преступления

В парке нашим излюбленным местом было болотце, недалеко от танцплощадки. Летом оно иссыхало, осенью наполнялось дождями, весной расцветало осокой, водяными лилиями, головастиками.

Считалось, это конец парка, если же идти с нашего двора, то самое начало.

— Самое место для чудовищ, — закурил Муха, — но не для маньяков, те больные на всю голову, возле туалетов за мальчиками промышляют.

— А с Лапой что?..

Мы прошли рощу, скрывающую болото, направляясь в сторону бетонного квадрата с двумя проходами, обозначенными красными отметками «М» и «Ж».

— Лапа, могу поспорить, одинокий старичок-боровичок с больной ногой. За ним никто не ухаживает, не смотрит, вот он и бродит по парку в надежде, что кто-нибудь с ним поговорит, скрасит одиночество.

Я с Мухой согласился. А потом сказал:

— Наверное, одиночество и маньяков толкает на всякие делишки. Когда долго один, сходишь с ума и готов на все, только не быть одному...

Муха дымил:

— Да мож, и это тож, мож, и рождаются такими. Но скорей, все равно становятся.

— Затюкатые, всеми обиженные, маменькины сынки, — мыслил вслух.

— Точно, но не обязательно маменькины, папы не меньше виноваты в том, что сын маньяк, если не больше, — Серега говорил без намека на улыбку, со знанием дела, — сначала папы распускают языки и руки, потом сыночки, сперва повторяют, потом мстят. Месть отцам движет маньяками.

Я сглотнул:

— Ты прямо как в маньяки собрался, говоришь.

Дождь в парке всегда другой, спокойный, шуршит тихо сам себе над головами, наши голоса отзываются эхом в пустом туалете. Пахнет какой-то химией.

Сердце застучало сильней, ладони вспотели. Все-таки это было место преступления. Где каждая травинка и камень — свидетель...

Я не успел спросить Муху, будем ли мы заходить внутрь, из туалета вышел, заправляясь, толстый полицейский. Осмотрел нас. Мы продолжили идти, как ни в чем не бывало, Муха бросил бычок в урну.

— Телефон полиции знаете? — прокричал вслед полицейский.

— Ноль два, — не растерялся Серёга.

Я успел схватить его за локоть и дернуть, прежде чем Муха отмочил что-то из своего репертуара. Прежде чем выступил, сказала б его мать.

— Ты че, я закурить всего лишь хотел спросить, — скорчил недовольную мину Муха, — терпеть не могу этих ментов. Что маньяки, что они. Туда же идут люди с определенным складом ума, в полицию работать.

Я обернулся, полицейского след простыл.

— Странно, но на секунду я подумал, что он и есть маньяк. Переодетый в форму. Он так смотрел на нас...

— Да они на всех так смотрят, как на преступников.

— По-звериному.

Теперь Муха схватил меня за локоть, сказал:

— Убийцы возвращаются на место преступления, ты в курсе? Это у них фишка такая, ритуал.

Мы остановились, на широкой алее дождь настойчиво застучал по козырькам наших кепок.

— Он же не мог отливать на месте преступления? — Муха протянул кулак.

— А он заправлялся, — продолжил я.

Пальцы, мокрые от дождя, дрожали. Возбуждение нарастало. Наши кулаки встретились, костяшки стукнулись, мы обменялись теплотой и силой.

— Давай сделаем круг и пройдем мимо, будто возвращаемся, — предложил Муха.

— Его там нет, можем смело идти назад, — уверенно сказал.

Серёга присел на корточки, так удобно следить: видно всех и даже кто прячется за голыми стволами хвойных.

— Ни души, — поднялся, — не удивлюсь, если они не будут никого искать. Замнут.

— Да не...

В отличие от друга я верил в справедливость, возмездие и в полицию.

— Не все же продажное дерьмо.

— Но почти, — Муха пошел первым.

Его бесстрашие было сродни безумию. Он точно обгонит поезд, каким бы скоростным поезд не был...

Мы не поверили глазам. На дверях туалета, железных, выкрашенных в грязно-красный цвет, висели здоровенные замки. Никаких желтых сигнальных лент, как в кино, обозначающих место преступления. Две бумажные пломбы с неразборчивыми буквами и смытыми дождем печатями.

Прикоснулся к замку, чтобы убедиться в реальности. Реальность на ощупь мокрая, твердая, почти ледяная. Вдобавок замарала пальцы ржавчиной, как ни мылил, а исчез оранжевый цвет лишь под вечер.

Не рассказал Мухе, что, прикоснувшись к замку, увидел себя внутри туалета, как внутри стереокартинки. Капало отовсюду, вода текла по стенам, и на полу вода.

«Смерти нет. Она для слабаков», — заметил выцарапанную надпись, и, конечно, это моих рук дело, но как? Я сказал это вслух, и Муха ответил:

— А вот так! — шлепая по плечу. — Мир сходит с ума, и мы вместе с ним!

Ау!

Я думал об этом частенько, как это сойти с ума. Выжить из ума. У нас в поселке было немало сумасшедших, если верить папе. У него каждый второй с приветом. На самом деле я знал одну, ее дразнили Надька Ау! По легенде, она лишилась рассудка, узнав, что ее любимого убили на войне. О какой войне речь, неизвестно, мы дружно решили, что это Афган.

У такого рода людей нет возраста. Время не справляется с ними, они его не ощущают, ни во что не ставят... Живут по своим правилам, в своем часовом поясе. Рано поутру и на закате Надька Ау бредет по обочине центральной дороги в сторону города и тихо зовет любимого, потерянного. Заунывно так зовет, аукая... Говорят, если она его дождется, отыщет, то снова обретет разум и станет нормальной. Но, по мне так, она сама не хочет возвращаться в наши ряды так называемых нормальных, обычных людей. На ней яркий красный бант и белое платье со стразами, переливающееся, искрящее, зеленые тени на глазах и морковная помада. Ей наплевать, что о ней думают, как она выглядит. Она была бы счастлива, если бы не несчастье с ее суженым. А может, в том несчастье, что стало причиной безумия, ее счастье?! Ау не прячет взгляд, смотрит в глаза и всегда с гордо поднятой головой.

Мне бы хотелось в чем-то походить на Ау. В том, как она уверенно смотрит и говорит в лицо все, что думает. Честная, неподдельная... Муха, он тоже ляпает все не думая, потом, может, и жалеет, но не подает виду. Пельмень разбалованный, и во всем всегда его хата с краю. Лёша, как положено всем спортсменам-чемпионам, говорит что хотят от него услышать, он должен нравиться всем. Я, я прячу глаза, отвожу взгляд, будто мне есть, что скрывать. Стеснительность с возрастом пройдет, считает мама. А мне кажется, что пройдет она в том случае, если я стану, как Ау, чуточку сумасшедшим...

Еще кажется, что это во мне из прошлых жизней. Я сотворил, видно, что-то невозможное и поэтому не могу смотреть людям в глаза, чтобы они не смогли узнать о содеянном... Но что такого я мог сделать? Как бы разузнать, заглянуть за время... Может, я кого-то убил, и вина за содеянное сидит во мне из жизни в жизнь, пока я не покаюсь, не признаюсь, не буду наказан...

Эхом из прошлой жизни отвожу глаза в сторону и вниз.

Муха протянул мне сигарету:

— Пыхни, на. Расслабит. Все равно мы ничего сделать не сможем. Если только сами его не выследим и не завалим.

Дождь

Драки в поселке редки, старшие забивали стрелки и решали свои вопросы далеко от дома. Мы, еще совсем зеленые, любили подубасить друг дружку или таких же, как мы, сорванцов из соседнего двора. Но все было не серьезно, без чрезмерного кровопролития и затаенной злобы. Уже на следующий день здоровались как ни в чем не бывало...

Завалить — звучало намного серьезней, чем надрать задницу и надавать по тыкве...

Дождь после обеда лил беспощадно, стеной. Сидели у меня в комнате, Муха курил в открытое окно, я рисовал по памяти полицейского, выходили одни глаза, не человеческие.

— Блин, ну хоть какой нос у него был?

Муха не помнил ничего.

— Он же был по-настоящему, — посмотрел на друга, — реально живым?

Стало не по себе, разболелась голова, шум наполнил комнату. Я провалился внутрь стереокартинки, оказался в центре дождя, дождь поливал в комнате, рядом никого, Муха исчез, вместо него сплошная гладь воды. Вытянул руку, ладонь исчезла в дожде, стертая невидимым суперластиком. Отдернул руку — культю, ощущаю, как перебираю пальцами, но не вижу их...

«Что я скажу маме?» — мысль, и сразу вторая: — «Как покажусь в школе?..»

Дождь, прочитав мысли, ожил, двинулся на меня. Исчез альбом с глазастым рисунком, разбросанные карандаши растворились один за другим...

Встал, пятиться некуда, я окружен водой, втянул живот, чтобы подольше оставаться видимым.

Надо что-то сделать. Как-то остановить дождь? Сказать кодовое слово? Пароль-заклинание?..

На глазах исчезли кончики носков, я в шортах, и острые выпирающие коленки исчезают следом...

— Смерти нет. Она для слабаков, — тараторю, не действует, дождь наступает. — Замри! — кричу уверенный, что должно помочь, и движение действительно прекращается, дождь замер. Указательным пальцем уцелевшей левой руки легонько касаюсь дождя и сразу отдергиваю. Дождь на ощупь стал стеклом. Постучал по нему

кулаком, ни звука. Я замурован в стекле. Как букашка в янтаре... Воздуха надолго не хватит, это конец. Смерть для слабаков. Смотрю вниз и вижу пальцы правой руки, и черные концы носков вернулись, и коленки, поднимаю глаза, а вместо мутной глади стекла лицо друга Серёги. Муха трогает мой лоб, говорит:

— Ты что, уснул вот так, с открытыми глазами?!

Мама с бабулей говорили, что я луначу иногда, правда с годами это случается все реже, но чтоб заснуть, вот так, да еще с открытыми глазами...

— Из-за дождя, — промямлил.

— Мать у меня раз тоже прямо на ходу заснула, шла и грохнулась на пол, — как-то безучастно рассказывал Муха. — Лежит, спит, а из носа кровь на ковер бежит, давно это было, до их развода, уже даже кажется, что не со мной, или приснилось все, нафантазировал.

Окно прикрыто, дождь прилип к стеклу и, кажется, не кончится никогда.

Дождь стирает реальность, когда он такой сильный и бесконечный.

— Надо это сделать в дождь, ни следов, ни сочувствия... Просто дождь, холодный и беспощадный, — сказал друг, и я кивнул:

— Просто дождь.

Лунатикам вход воспрещен!

Чтобы не разгуливал лунатиком по ночам, мама у кровати одно время приспосабливала обильно смоченную половую тряпку. Срабатывало, босые пятки касались холодной ткани и шустро возвращали меня в кровать под теплое одеяло.

— А-то ведь уйдешь так, куда живым хода нет, — стращала бабушка. — А во сне ты наполовину там. В призрачном мире.

В это нетрудно поверить, лунатики на грани реальности и мира снов. И явно, если они бродят, не боясь упасть по конькам, по краям крыш, лавируют, балансируют над пропастями, то рано или поздно находят дверь, проход в тот свет.

— Ведь маньяк может быть и лунатиком, — думаю вслух. — Сделает во сне что-то ужасное и забудет, проснувшись.

— Ага, и его невозможно поймать, потому что он невидим для бодрствующих. А мы с тобой лунатики, вот и разглядели убийцу. Чушь все это киношная, — Муха ходил кругами по комнате. — Лунатик у нас один, и это не я, а все эти чудовища — простые люди и не лунатят даже. Им по кайфу причинять боль, вот и все. Лунатики другие, у них крылья есть, такие муху не обидят.

— Забыл, как головастиков на пару давили?

И тут Муха не растерялся, у него на все словно приготовлены были ответы:

— Так то в первом классе было, — отмахнулся, — не страшно и несчитово. Вы же, лунатики, явно избранные, для чего-то нужны, для поддержания какого-нибудь вселенского балласта... Проводники, может, в иные пространства...

Засмеялся, а что еще оставалось, я в свою особенность не то что бы не верил, близко не предполагал, что могу чем-то отличаться... Хотя все мы чем-то да отличаемся. Чемпел — спортсмен, и штангу тягать, и бегать мастер, Муха — справедливый бунтарь, бравый Робин Гуд, Язык искусно владеет языком, Пельмень — ответственный, с детства за отцом ухаживает, а я рисую, сочиняю, наверное, в этом моя отличительная способность. Могу нарисовать даже с закрытыми глазами все, что угодно.

— Почему вот только не получается этого ссыкуна-полицейского портрет, — смял лист. — Призрак какой-то.

— Не призрак он никакой, тварь божья.

Звезданутость (Эхо)

Ближе к вечеру собрались все в гараже у Чемпеля. Место машины давно заняли самодельные тренажеры, подвесные гири, скамейки со штангами, две боксерские груши...

— Батя собирался новую иномарку покупать, — как бы оправдывал появление собственноручно собранных качалок Лёха, — да все никак, а старую «Волгу» продал, — вздыхал, терзая эспандер, Чемпель.

Он рассказал, услышал от сестры, что старшеклассники с родителями собрали отряд добровольцев, патрулируют вокруг школы и парк. А еще, что задержаны подозреваемые.

Про утреннюю встречу в парке мы промолчали, не сговариваясь.

Настроение по погоде, веселье на нуле, лишь дождь бомбит, не уставая, и одно на всех желание — забраться поскорей под одеяло...

Сегодня ночевка у Мухи, его мать позвонила моей, сказала, что это единственный способ нормально пообщаться с сыном.

Они жили возле треугольника, на втором этаже двухэтажного дома, в трехкомнатной квартире. Комната Серёги была соединена с застекленной лоджией, и летом мы проводили все время там, у распахнутых окон перед бесконечным звездным небом. У самого начала Вселенной — так мы считали.

Мы давали свои названия созвездиям и звездам, а на следующую ночевку, конечно, не могли их вспомнить и придумывали новые.

Как и полагается, у каждого было по нескольку собственных созвездий с нашими именами и фамилиями. Созвездие Мухи Бессмертного, например, или Петрушкин Клык. А уж над названиями звезд как мы изгалялись...

Смеялись, бывало, до слез, и небо становилось ближе. Оно проникало в нас всей своей громадиной, опрокидывалось, заполняло. Хотелось прыгнуть с лоджии в полной уверенности, что не разобьешься, что ты — часть неба... Звезданутость оставалась в нас надолго, и во сне, где летать в порядке вещей, и наутро еще ощущалось ее присутствие больным, как после занятий на пресс, животом, и легкостью в походке: подпрыгни и взлетишь к потолку. Думаю, звезданутость остается в нас до конца. Потом мы отправляемся на небо и сами становимся звездами, а на Земле остается эхо нас. Наше эхо.

Люстра

Звонок в квартире Мухиных громыхал на весь подъезд пулеметом-органом, — мама Мухи тетя Кристина привезла его откуда-то из заграницы. Правда, она просит называть ее просто Кристиной:

— Тетя Кристина как-то неблагозвучно, — считает она.

Я стараюсь избегать прямого обращения, всячески увиливая, но сидя за столом лицом к лицу, это трудновато.

Стол накрыт в зале перед телевизором с выключенным звуком. Прячусь от пристального взгляда тети Кристины за вазой с фруктами.

Успели съесть суп с яблоками и курицей, доедали сладкий рис, тут мама Мухи начала вспоминать детство сына:

— Вот он не любит, когда я сравниваю, но как без этого?! Люди привыкли воспринимать мир через сравнения, — она налила из бутылки белое вино в пузатый стакан. — Это проще, согласись, чем вдаваться в долгие объяснения.

Киваю, искоса смотрю, как бегают желваки на Мухиных скулах.

— Сегодня с утра специально достала из «тещиной» коробку, я оставила на память старую люстру. Такую, с пластиковыми канделябрами-висюльками в три ряда. Сержик обожал это дело, он тогда в детский сад ходил, так вот для него мыть эти самые висюльки было праздником. Наберу в таз воды, снимем туда эти сосульки, как он их называл, и Сержика целый день не видно, не слышно. Ну, а потом вдевать назад, это целая комедия, — рассмеялась она. Муха встал, взвизгнули по полу ножки стула:

— Пойду, подышу, — пробурчал, не открывая рта.

Тетя Кристина вспыхнула в лице, взмахнула руками:

— Что?! Что я такое сказала?! — проводила взглядом сына до балкона, тут же пронзила меня: — Подышать, как же, — зашептала, нагибаясь ко мне через стол. — Вот как не сравнивать, когда весь в отца? Тот тоже хвастался всем, что курит с семи лет. А я как запрещу, против что скажу, сразу в позу, сразу выступает.

Жую молча, разглядываю рисинки в тарелке.

— Я и с люстрой этой канитель затеяла, только чтоб приблизить его. Мне она сто лет не уперлась. Даже гречку ему сегодня сама собиралась пожарить... Это он придумал, как-то прихожу, а Сержик кулинарит, гречка, как кукуруза, распускается попкорном в горячем масле и на вкус съедобно... — выпила остаток вина одним глотком, всхлипнула: — А его не пронять. Упертый, как баран-отец. Тут и параллели проводить не надо, все налицо. А я устала от его неучастия! От непонимания! Кто-то должен объяснить, вбить ему в голову, что такое случается и люди разводятся. Расходятся, как в море корабли!

Я кивнул. Она налила себе вино, протянула бутылку:

— Будешь? Хорошее вино для здоровья полезно, сосуды очищает.

Не успел согласиться, тетя Кристина бахнула в стакан с компотом белое полусладкое, согласно этикетке.

— Алкоголиком становятся не от вина, поверь, да и не от водки, жизнь делает из людей пропащих, никчемных пьяниц, — отхлебнула, я взял стакан, пригубил, компот на вкус был даже ничего, кисло-сладкий, аромат заполнил рот и голову. Заговорил, казалось, пахнущими словами:

— Все очень вкусно, спасибо, — я собирался с этими словами выбраться к другу, не вышло.

— Он и не посмотрел, глазом не повел в сторону финтифлюшек, замоченных в ванной. Это же не дело. Все, что бы я ни делала, в штыки, и глухой игнор на любое проявление участия в жизни.

А я сделал еще глоток, и еще два, увидел дно стакана и, переполненный виноградными испарениями, сказал, что собирался сказать давно. Зазубренный текст выплеснулся из меня благоуханием через край, тетя Кристина от неожиданности раскрыла рот и начала икать.

Пожалел ли я о том, что сделал? Ни капельки.

Вышел из-за стола, сказал: «Спасибо» и что помою посуду, если вы не против, тетя Кристина.

Тетя Кристина икнула.

Не против.

В ванной, в тазу, сосульки из мутного серо-желтого плексигласа, замоченные в стиральном порошке, похожи на разбитые мечты — изогнутые, побитые, ненужные.

— Пусть отмокают всю ночь, — сказал Муха тихо, утробно. — Завтра с утра повешу вместе с мамкой. Отдам дань прошлому.

А от Серёги уже и не веет детством: запах сигарет и крепкого пота, голос с легкой хрипотцой и серьезность зашкаливает.

— Раньше мне чудилось, что это драгоценные трофеи из сказочного королевства. Я был причастен к чему-то таинственному, вечному, — хрустел канделябрами Муха,

перебирая в тазу обеими руками. — Чистые, они сверкали, как настоящий хрусталь, от зажженной лампочки, и я мог часами любоваться вымытой люстрой. Мечтать.

Переломив с надрывным треском несколько сосулек, Муха молча вышел, вытирая о себя мыльные руки.

Осколки исчезли на дне, а я увидел люстру с торчащими клыками вместо канделябров на потолке в центре зала, где сейчас убирает со стола грязную посуду тетя Кристина, на острие каждой сломанной сосули застывшие капли крови.

Моргнул, люстра схлынула кровавым водопадом.

Сигналы

Жареная гречка хрустела поломанными плексигласовыми висюльками, но несмотря на это, была хороша. Закидывали горстями прямо с горячей сковороды, обжигая язык и нёбо, перебрались на лоджию. К этому времени тетя Кристина успокоилась, не икала, лишь изредка вздыхала, глядя на нас:

— Не спешите взрослеть, мальчишки, в этом нет ничего хорошего.

Мне стало жалко маму Мухи, и я отругал себя за все, что наговорил, мог бы помягче, она ведь женщина, ей и так от сына достается. Успокаивало решение Серёги утро посвятить маме.

Из распахнутых окон виден угол треугольника, там по обыкновению мы жгли костры. А когда не было звезд, как сейчас, поджигали длинные прутья и поднимали над головами крохотные светильники. Творили свои звезды. Оранжевые, голубые светлячки прожигали ночь, рисовали на темном холсте крученые параболы и тайные знаки... Хотелось больше звезд, много, секстиллион секстиллионов, тогда в руках вспыхивали факелы. Разрезая тьму, мы грозили пламенем бесконечному космосу, ощущая себя властелинами планеты, победителями мрака.

— Помнишь, ты сказал, что факелами мы подаем сигнал инопланетянам? — задумчиво сказал Муха, перегибаясь через подоконник в ночь и выпуская из себя спрессованные колечки тумана. Огонек сигареты тоже ведь одинокий сигнал. Что-то вроде SOS, — вспыхнул кончик «Винстона», поблек и вновь затрещал бордовым цветом.

— Думаю, они видят, как мы им сигналим, — взял зажигалку друга, щелчком сотворил крохотное пламя. — Если бы они прилетели и решили забрать тебя с собой, ты бы согласился?..

Я посмотрел на Муху, профиль серьезный, строгий, взрослый.

— Не прилетят, — профиль обернулся анфас. — Да и не нужен я им. Тут никому толком не нужен, на Земле, а на небе тем более. Космос не для нас. Не для меня точно.

Погас маячок Мухи, нет сигнала, бычок растворился мгновенно в темноте.

— Буду сигналы под землю посылать. С мертвецами, в гробах, записки с вопросами всякими, о том свете, о жизни там и тут, про черные дыры спрошу обязательно, и эликсир бессмертия... Они ведь там все уже знают, вот пусть поделятся со мной. Засыплю их записками-сигналами и рано или поздно, — Сергей подмигнул мне, — и рано или поздно кто-нибудь ответит.

И ясной четкой картинкой в проеме открытого окна — Муха, бегущий и обгоняющий поезд.

На человеческом языке

Ощущение, что это последняя наша ночевка, не покидало с той минуты, как переступил порог квартиры, оно было и раньше днем, и утром. Оно поселилась с того момента, как мама сказала про звонок тети Кристины:

— И чего вам, мальчишкам, не жить дружно с родителями? — мама сделала что-то с голосом, он зазвучал тверже, настойчивей: — Ведь все ради вас и делается. Столько сил и нервов, столько всего... Серёжа рано столкнулся с реальностью. Развод, суды, обвинения, то папа плохой, то мама злоупотребляет чрезмерной заботой... Мне честно жалко вашего Муху и радостно, что ты на его стороне. Завтра отправляйся на ночевку, но обещай не курить.

Вот за это я обожаю маму! И за много чего еще!

Поэтому, переполненный тоской, лег к Мухе с тетрадкой, исписанной каракулями, моим новым рассказом-ужастиком про то, как в одном, конечно же, американском городке, у нас бы сроду ничего такого не случилось, заговорили домашние животные.

Муха слушал, заложив руки за голову, уставившись в потолок, и не дышал, пока пожилая пара убивала друг друга после прослушивания сообщений, оставленных на автоответчике их шестнадцатилетним котом. Кот поведал об обоюдных изменах стариков, рассказал в деталях, где, когда, как и с кем.

История заканчивалась хэппи эндом для всех животных. Люди уничтожили друг друга, и в городе остались одни кошаки да собаки с курами.

— Хороший рассказ, — вынес вердикт благодарный слушатель. — И название «На человеческом языке» отличное, одно но.

Я привстал, выкатив на друга глаза, это у нас называлась «словить мину».

— Заграничные имена, Петруш, ну к чему они?.. Чем наши Маньки и Васьки хуже?..

Где-то внутри я давно ожидал подобного, поэтому кивнул:

— Да, мне тоже Джулии эти и Сэмы не по вкусу, честное слово, — признался, и легче стало от этого, будто сам заговорил на своем, человечьем. — сочиняю и долго мучаюсь с выбором имени, с фамилиями нерусскими так совсем завал. Фу, — выдохнул и вдохнул себя нового.

— Кот Барсик отомстит покруче каких-то там Тома и Джерри, — Муха вытащил из-под меня одеяло, укрылся. — и станешь ты самым классным писателем и художником, и будет у тебя жена какая-нибудь актриса или модель, дом, домов у вас будет по всему миру куча, но жить вы будете на берегу океана...

Завалившись на спину, вытянулся в сплошную, бесконечную улыбку. Улыбка самого-пресамого счастливого человека на Земле.

— Про меня разрешаю не писать, хотя могильщик — тот еще персонаж, — Муха вздохнул с надрывом. — только я буду грустным могильщиком, никакого экшена со мной не получится, одна скукотища.

— В скукоте свои ужасы, — ляпнул, не задумываясь.

— Да, — согласился резво Серега, — вот тебе и название готовое «Убийственная скукота».

— И в конце все умрут.

— От скуки.

— Могильной.

Мы посмеялись, лежали рядом друг с другом, уставившись в потолок, а на самом деле смотрели сквозь него, сквозь шифер крыши и темную толщу ночного неба, туда, где один язык на всех. Язык звезд.

Предчувствие

Будто врезался в стену холода. Открыл глаза, внутренне сгруппировался в ожидании, что окажусь замкнутым внутри стереокартинки. Первое, что пришло в голову, — я в том самом туалете в парке и сейчас произойдет что-то ужасное. Отблеск стекла, и вот передо мной вереница окон, за стеклами ночь, и лишь далекий уличный

фонарь на повороте к треугольнику стойко борется с мраком пульсирующим мечом бледного света, отражаясь в темных стеклах домов. Не успеваю моргнуть, как стекла начинают дрожать в оконных рамах, будто решили, что им в них тесно и сейчас они вырвутся на свободу. Загудело все: и небо, и земля слились в один протяжный утробный гул, я попятился, наткнулся на что-то спиной, обернулся, это был Муха, он стоял в одних плавках, белая кожа светилась, из открытого рта шел этот режущий звук, а из глаз его текла кровь.

— У тебя кровь, — все, что сказал я.

— Это твоя кровь, — донеслось сзади, я обернулся и... гул исчез.

— Пётр, — испуганный голос Сергея, — все нормально, Петя, проснись же...

Я на лоджии у разбитого окна. Стекла под босыми ногами, на ладони правой руки порез ярко прочерчен выступившими бусинками крови.

— Ты ходил во сне, лунатил, — у Мухи глаза, как два тазика, — и порезался...

Открытая фрамуга с оскалившимися осколками стекла захлопнулась очередным порывом ветра, я сказал:

— Что-то большое и темное, слышишь, Муха?.. Приблизилось, и оно все сломает. Разрушит.

Муха мотает головой:

— Это ветер поднялся, в крыше шумит.

Говорю ему — нет, не ветер, и начинаю стучать зубами, но говорю еще:

— Похоже, что это конец, Муха.

— Конец будет нам, если ты сляжешь с температурой, — хватает за неповрежденную руку и тянет к себе, решаю, что надо сопротивляться, толкаю его, окровавленной ладонью бью по лицу:

— Это конец, — шипит змея в моем горле. — Отпусти, ничего больше не будет!..

Сергей умело перебрасывает меня через порожек прямо на кровать в еще теплое нутро простыней и одеяла. Я плачу (да я ли это?) в объятьях друга навзрыд и знаю, предчувствие меня не обманывает.

Захватчики

— Будто всех, и тебя, и маму, и мальчика того, что от маньяка пострадал, оплакивал, — смотрел в глаза другу, перебарывая дикое желание ослепнуть или провалиться сквозь этажи в подвал.

Муха намотал на кончик спички вату, смочил ее йодом и легонько обработал порезы, не переставая дуть мне в ладонь. Щипало терпимо, нетерпимо было рассказывать причину слез, тем более, когда она тебе самому непонятна.

В понедельник, еще ощущая неловкость и покалывания в перебинтованной ладони, я ждал на перекрестке ребзю, когда загрохотало все и загудело. Два бульдозера и два самосвала — источники шума. Покрытые коркой многолетней грязи, похожие на пришельцев из космоса, они двигались, распугивая дворовых собак и кошек. Птицы в ужасе оставили гнезда, скворечники... Стекла, я видел, как в доме напротив, задрожали все стекла в окнах. Непривыкший асфальт центральной улицы крошился под громадинами, грязь летела в стороны на аккуратные пестрые кучи осенней листвы вдоль обочины и на побеленные заборы, стены, прохожих...

Могу поклясться, в кабинах за баранками сидели самые настоящие чудища — чумазые, с гнилыми зубами и свирепым взглядом мертвых глаз. Монстры скалились, дымили огрызками папирос и плевались на пол кабины.

Я не заметил, как друзья собрались вокруг меня — ошалевшего и обездвиженного. Оглохшего. Поэтому я не слышал ничего, что они говорили, какие ругательства выкрикивали вслед незваным гостям, захватчикам. Лёха прокричал в ухо:

— Ты-то что как истукан?! Матюгнулся бы для приличия.

И я заорал, как никогда до сегодняшнего утра, а потом крик стал набором страшных слов, от которых, как скажет позже Муха, у всех, кто слышал, заворот кишок случился.

— Такие маты сроду не слышал, — похлопал Чемпель по плечу. — И не повторю ни в жизнь.

Яшка высунул язык, помахал им, промычал:

— Ты — мой герой.

Ну, а у Тимура взаправду, с перепуга или, как он утверждает, из-за яйца на завтрак, скрутило живот, и понос на весь день был обеспечен.

Неужели правда, и треугольник, мир нашего дворового детства, будет стерт с лица земли зверомашинами?..

Исчеркал черными фигурами-квадратами, треугольниками, крестами последний лист в каждой тетради, пока дождался конца занятий. Не думал ни о маньяке, рыщущем в поисках новой жертвы, ни о гусиной лапе... Даже приезд бабушки не был в радость. Хотелось забраться под одеяло и проснуться в мире без бульдозеров и самосвалов... Говорить об этом с бандой было невыносимо, и я убежал с последнего урока, с географии. Как любят повторять в американских фильмах — мне надо было побыть одному.

Увильнув от дежурной и завуча на дверях, не раздумывая — в парк. Слева осталось серое двухэтажное здание безымянного дворца культуры, на афишах после дождей радужные кляксы вперемешку с тарабарщиной, похожей на ту, что несли мы в начальной школе — вставляя перед каждым слогом слова частицу «та». А на тропинке, параллельно страшному месту преступления, кто-то дернул меня за подол куртки-ветровки. Сердце оборвалось и бухнулось в карман школьных брюк.

Вот он, конец.

Конец сказал вдруг голосом Мухи:

— В окно тебя увидел и сиганул следом. Ты что это, один на маньяка собрался охотиться?!

— Ну, ты... — не договорил, так как сердце подскочило из кармана к горлу и вернулось на место.

Муха прикурил:

— Из-за треугольника расстроился? — выпустил через ноздри драконьи сизо-белые струйки. — Ты это почувствовал, так ведь?.. Предвидел?..

Что-то большое и темное. Оно все сломает. Разрушит.

Сергей произнес это, и мой следующий шаг уносит меня в сон, полуявь, другую реальность, заключив со всех сторон бетонными стенами, где один только звук — раздражающий, сводящий с ума звук равномерно капающей воды.

Подписи

Не знаю, что я имел в виду тогда, в предрассветный час у разбитого окна лоджии, но то, что предстало нашим глазам, было из разряда фантастики, запредельного, как черный час и чудовища...

Забор, железные листы грязно-зеленого цвета метра два высотой вокруг треугольника. За ограждением орудуют машины, за несколько часов вырыли огромный котлован и продолжают копать...

— Деревья... — вырвалось у меня.

Муха затушил о забор недокуренную сигарету:

— Накрылись ловитки на дереве, — пнул железный лист. — Да все накрылось.

Я говорю:

— Нет.

Он говорит:

— Да.

И это его «да» — аксиома, не требующая доказательств.

Чемпель бы сказал — я же говорил. Детство кончилось.

Муха добавляет:

— И с этим мы ничего не можем поделать, разве что это, — расстегивает ширинку и мочится шумно на забор. — Давай оставим им свои подписи на долгую память, — выводит он буквы на ржавой зелени.

Я присоединяюсь, нисколечко не стесняясь, не боюсь быть увиденным, пойманным, наказанным.

Это станет нашим ритуалом, и мы при любом позыве и возможности будем его выполнять. Еще разукрасим забор, живого места не оставим, лозунгами — «Вечность за нами!», «Убирайтесь назад в ад!», «Этот мир наш!», разбавляя надписи звездами, солнцами, бесконечными улыбками...

Четыре Конца Света

Последняя неделя сентября — раскаленное добела солнце, асфальт— мягкий пластилин, горячий, так и хочется взять и начать лепить вместо осени лето.

На субботу назначен перенос и открытие нового туалета.

Яшка Язык всю неделю потирает демонстративно ладони. Муха проиграл спор и нырнет на дно старого сортира.

Серёга Муха в ответ повторяет жест победителя. Порой, чтобы победить, надо проиграть.

У Чемпеля депрессия, он подозревает Олю Рожкову в измене.

Тимур решил всерьез похудеть и запретил называть его даже в шутку «Пельменем».

Мне же каждую ночь снятся кошмары с ожившими машинами-монстрами, превращающими поселок в руины.

— Они стерли с лица земли наше детство, — говорю я.

«Они» — это взрослые, конечно же. Те, кто так или иначе причастен к уничтожению треугольника, к появлению забора, и ничего не предпринявшие, мирно смотревшие на катастрофу взрослые.

Это больше, чем просто катастрофа, это Конец одной второй части Света! И все виновны в этом! — пишу в тетради, где начал неделю назад новый рассказ. У героев рассказа с черновым названием «Четыре Конца Света» наши русские имена и фамилии.

По задумке некая высшая сила предлагает четырем разным непохожим людям с разных концов Земли (но все будут русскими по чистой случайности, а может, по задумке высшего разума) придумать свой собственный сценарий Конца Света.

Ну, те и рады стараться, разносят Землю всеми невероятными и невозможными способами...

Один из способов уничтожения — машины, все без исключения виды транспорта и даже игрушки, по сценарию, стали громить все вокруг, а выведенные из строя взрывались самым настоящим ядерным взрывом.

— А прикинь, если все, что бы ты ни написал, сбывалось?! — Муха присвистнул, я раскрыл рот, а он выдал: — А давай, попробуй написать что-нибудь про нас, и проверим.

Я пролистал тетрадь с четырьмя Концами Света.

— Напиши, скажем, про то, как у Яшки язык стал жить собственной жизнью. И прикольно, и поглядим, сбудется, нет.

И хоть какая-никакая, а месть за проигранный спор, — хотел, но не сказал Муха, подумал я и ответил:

— Запросто. Напишу за ночь.

Друг поднял ладонь, и я ударил по ней.

— Если все получится, — бросило меня в пот, — мы и маньяка поймаем, и треугольник вернем.

У меня загорелось в груди, будто глотнул кипяток, ладони зачесались в точности как тогда, после стекловаты. Ноги понесли по дышащему от распалившегося солнца асфальту к дому номер два по улице Дворцовой.

Очередной Конец Света вновь откладывался на неопределенный срок.

Смерть языка, или три тысячи и одна ночь

Итак, у Яши Гончарова ожил язык после того, как он прикусил его за ужином. Язык долго кровоточил, распух так, что еле во рту помещался. Мальчику удалось заснуть после второй таблетки обезболивающего, и снилось ему, язык зацвел большими фиолетовыми цветами...

Проснулся Яша ранним, еще темным утром от собственного голоса.

Автономия языка, вероятно, распространялась и на голосовые связки, потому что из горла Яши, не обращая внимания на сигналы мозга, выскакивали незнакомые мальчику слова. Яша попытался закрыть рот, не смог. Зажал его ладонями, рот болезненно растянулся, и Яша услышал череду матерных слов в свой адрес, — и если он попытается сделать так еще раз, — грозно прохрипел незнакомый голос, — он, то есть язык, сделает плохо всем.

Писал до часу ночи, пока мама не заговорила не своим голосом и не начала угрожать подобно придуманному мной языку:

— Или выключай свет и в кровать, или никаких выходных со своей бандой.

Мама победила, мамы всегда побеждают. Остановившись на том, как Яша задумывается об объявлении войны своему языку, забрался, недовольно ворча, под одеяло.

— Думаю, этого достаточно для проверки, — успокоил себя, огонь внутри погас, руки не чесались, я закрыл глаза и открыл их под трель будильника из спальни родителей в семь утра. Я обожал такой сон, молниеносный сон-вспышка.

До того как оживет мой будильник, еще час, и я бы поспал еще, но руки тянутся к тетради с рассказами, хотя в голове ни мысли о том, чем же закончится война героя с собственным органом речи.

Всю дорогу к школе пересказываю Мухе историю, пока он не останавливает меня, дернув за локоть.

Яшка идет навстречу нам, выделывая языком крученые параболы.

— Не сработало, — говорит, не открывая рта, Муха.

— Ага.

Но на большой перемене я делюсь с друзьями яблоками, что привезла бабушка с безымянной деревни, Яшка выбрал самое зеленое, тут же откусил больше половины и... прикусил язык.

Красный червячок выполз из белой мякоти плода и сполз на подбородок, глаза у Яши заполнились слезами, он выплюнул окровавленный кусок и промычал, стараясь меньше ворочать раненым языком:

— Тьи тыши и одна ночь.

Я сразу вспомнил спор годичной давности и книгу сказок, выведшую Яшку из игры мощнейшим ударом по голове, мне тогда поставил шишку Достоевский с братьями Карамазовыми.

Муха смотрел то на хрипящего, плюющего кровью во дворе школы Яшку, то на меня:

— К-к-как название рассказа? — спросил вдруг.

Я растерянно прошептал:

— Смерть языка.

И мы набросились на друга, в четыре руки тарабаня его по спине.

Бабушка, а за ней и отец, часто повторяют — Бог отвел. Вот и с Языком, после того как он умылся и приложил к ранке чистый платок, я предположил то же самое — Бог отвел. К медсестре Яша идти отказался, люто жестикулируя. Муха шепнул мне на ухо:

— Пиши, как мы поймали маньяка.

Кивнул ему, а после школы, не обедая, сел и написал коротенькую историю о том, как мальчику по имени Серёжа удалось избежать малоприятную участь исследования дна выгребной ямы.

Роза-огнемёт

За забором детства и в выходные шумит работа. По слухам — треугольник, землю, на которой он находился, выкупил какой-то миллионер-предприниматель, и здесь теперь будет автостоянка с подземными гаражами. Или супермаркет, — говорит бабушка, ей кто-то из соседей шепнул, и будто у этого богатея денег столько, что весь поселок купить может.

— Весь да не всех, — буквально дрожу всем телом от злости. — Эх, узнать бы, кто это, мы бы ему устроили вырубку деревьев...

Бабушка мотает головой, на ней платок, расписанный ярко-зелеными листьями и алыми розами, маленьким я любил расстилать этот платок у себя на коленках и любоваться близостью такого совершенного произведения искусства. Я водил по краям лепестков и срисовывал цветы на альбомный лист. Включал фантазию, и у моих роз появлялись глаза. Розы меняли цвета, были прозрачные розы, черные и голубые. Розы с ртами-пастями, полными острых зубов, розы с ангельскими крыльями. Друзьям больше нравилась роза-пистолет — длинные черные дула револьверов вместо лепестков, смотрелась роза угрожающе и этим была привлекательна для мальчишек. Именно эту розу представлял я, разговаривая с бабушкой о миллионере. У нас у каждого такая, мы крепко сжимаем рукоятки, стволы роз, и нажимаем на спусковые курки-лепестки, когда видим противника-разрушителя. Красные пули, похожие на зерна граната, бьют точно в цель.

— Для такого дела, — говорю сам себе, — я бы нарисовал розу-пулемет.

Улыбка на моем лице, улыбка всех мультяшно-киношных злодеев, вместе взятых, растягивается под щелками глаз.

— Роза-огнемет...

Безликий маньяк исчезает в огненном вихре следом за миллионером-предпринимателем. Я отчетливо слышу, как трескается раскаленный воздух, ощущаю горячую волну на лице, и капельки пота на лбу, и жар...

Волшебное слово

Потерялся во времени. Растворился где-то между сном и явью. Потерялся, как в самом страшном своем кошмаре, где нет ориентиров. Нет дна, нет солнца...

Будто весь мир — это стереокартинка, и я завис в ней, в этой неизвестности, и выход один... Я его знаю, помню. Круговорот поедания самого себя в природе. Только я не могу пошевелиться, я застывшая крупинка в окаменелой массе и, чтобы спастись,

я должен произнести слово. Волшебное слово. Все всегда решает одно слово. Секретное слово. Как ключ от всех дверей. От Вечности...

— Отомри, — пароль в игре «море волнуется раз», в остальных случаях не срабатывает — проверено. Как не помогают и другие пароли — «пожалуйста», «клянусь мамой», «ради бога»...

Я пробую, произношу сначала про себя — «смерти нет», потом вслух добавляя:

— Смерть — она для слабаков.

И вижу себя царапающим ржавым гвоздем этот пароль, слово в слово, на гнилой доске туалета. Трухлявая доска крошится, я протягиваю ладонь, пытаюсь поймать чешуйки и хватаю себя за нос.

В том, что это нос, убеждаются и глаза, сперва веки приоткрываю чуток, смотрю сквозь ресницы, по всем ощущениям, я в своей комнате, лежу в кровати, схватив себя за самую выпирающую часть лица, ресницы распахиваются.

На прикроватной тумбочке бумажно-картонные упаковки лекарств, стакан с водой наполовину пустой, две ложки — одна чайная и столовая с белесыми следами от растолченных в них мамой таблеток. Градусник, я присмотрелся, серебряная стрелка ртути на отметке 38. Откусанное зеленое яблоко пялится поржавевшей, сморщенной раной.

За окном, не понять, серое утро или вечернее угасание?..

Тяжесть в затылке, напоминание о прошедшей головной боли. Боль никогда полностью не проходит, она прячется, как все эти чудовища из черного часа, как маньяк, которого никак не поймают...

Во рту вяжет, как после съеденной хурмы, ни слюнки, горький привкус отрыжки таблетками...

Утро или вечер? Поднимаюсь из жаркого, липкого нутра постели. Словно сам стал жертвой своего оружия — огнеметной розы, теперь вот восстаю из пепла... В подтверждение хрустят коленки.

Хруст как шифр к коду, как пароль к старту воспоминаний.

Хруст и крик

Хруст — это Муха оторвал доску, расширяя отверстие в деревянном полу, а внизу вонючая до рези в глазах и легких яма (метра два глубиной), полная экскрементов.

Жижа, темно коричневая, живая, она дышит копошащимися в ней червями и мухами. Тимур отворачивается, с трудом сдерживаясь, чтобы не сблевать.

Яша поспешно спрятал язык, им он все утро снова и снова касался кончика носа, скривил лицо. Чемпеля не было, у него примирение с подружкой или очередная тренировка, — взрослая жизнь, двумя словами.

— Сокровища, — выдохнул весь воздух я, стараясь не дышать поднявшимся вместе с тучами мух ароматом.

— Жизнь — дерьмо, — сказал, ни капли не сконфузившись, Серёга, даже носом не повел, — отметил я, Муха говорит: — Если всю жизнь в дерьме, значит и замараться не страшно, не замараюсь, — хихикнул, надел водолазную маску.

На нем, кроме маски, еще темно-синие плавки. Солнце, несмотря на раннее утро, жарит вовсю. Последние дни сентября.

Кот Васька опасливо обошел разобранную коробку туалета, пять лет назад он был первооткрывателем этой территории: с Мухой решили проверить, выберется ли кот из моря фекалий. Васька выбрался и отомстил, забравшись на выстиранные бабушкой простыни.

Васька забрался на вишню от греха подальше. Я перевел взгляд с кота на Муху,

перед глазами белые простыни в грязных коричневых кляксах и тазики, в них до ночи мы перестирываем всю грязную одежду в доме, включая кота Ваську.

Глаза Мухи за мутным стеклом кажутся большими и круглыми, под стать маске. Он подмигнул мне:

— Я перегоню этот поезд, — сказал чуть слышно.

Я кивнул, посмотрел на Яшку, «может, хватит?» должен был прочесть он в моих глазах, Язык не прочел, подмигнул и довольно потер ладони.

Тимур ушел на безопасное расстояние, под вишню с Васькой, там, видимо, уже не чадило.

Серёга сказал что-то еще, я не расслышал и, прежде чем успел спросить что, он плюхнулся в густую зловонную субстанцию.

— Срань, — Язык отвернулся и сплюнул. Я не видел Тимура, но по донесшемуся звуку за спиной его стошнило.

Сморщившись похлеще «перекособоченной тяпки», смотрел на колышущуюся толщу дерьма.

Смерти нет.

Прошла минута или около того.

Она для слабаков.

Я вдруг понял, что Муха не собирается выныривать, и закричал.

Аз Буки Веди

С кровати, на карачках по полу, дотянулся до тетради с рассказами. Сердце в горле — ни вздохнуть, ни закричать.

Каша мыслей, не каша — жижа, та самая, вязкая, как трясина, с клочками туалетной бумаги...

— Я же написал, — бормочу, — Муха не должен был нырять.

Листаю все, что написал за последний месяц. Рассказы, мысли, сны... Петрушкина азбука, — говорит бабушка.

Ищу историю про Серёгу и не могу найти.

— Быть этого не может! — страница за страницей мелкого подчерка. И в мельтешении этом обрывки слов: ловитки, звезды, детство, пустота...

В затылок вернулась боль, постучалась, без приглашения прошла по спине, вернулась назад с разбега прямиком в мозг.

Закипели мозги, теперь я знаю, как это. Перед глазами все потекло, размазались обои, книжные полки, тетрадь...

Пошел дождь, я смотрел сквозь стену воды. Дождь на ощупь теплый, маслянистый...

— Муха, — позвал, — ты вынырнул?.. Или я прыгнул следом за тобой?..

Прислушался, — шум дождя.

— Нас спасли?..

В раскрытой тетради на листе в клетку слово. Я знаю — это то последнее слово, что произнес друг, но не могу прочитать его. Лист промок, буквы расплылись... На свете масса нужных, главных слов — мама, счастье, радость, дом, боженька, ... Это, должно быть, одно из них.

Я переберу все и найду то самое слово. Слово, которое вернет мне друга. Вернет треугольник детства, вернет лучшие времена!.. Вернет меня!..

Начинаю с самого начала. С буквы «а».